

ЯРОСЛАВ

К

И

В

А

Л

И

Н

НОВОЕ

СОЛНЦЕ

* * *

Вокруг весна. В душе — тоска и жажда.
Бегут ручьи, смеркаются снега.
И солнце льёт теплынь. И хочется однажды
всё бросить! Бросить всё! Куда глаза глядят
пуститься вдаль: в свет белый как в копейку,
в пространство-облако, в дорогу-бытиё;
цифрью, словом, символом, линейкой
больше не тлить души, не истощать её!
Природа-бог, Земли установленье
(её прошедших миллионов лет),
твои бегут ручьи, и небо с вождельем
течёт сквозь утренний веснеющий рассвет!
Всем мясом и костью, всем мозгом и душою,
от недр земных до высоты небес,
ты необъявленно беседуешь со мною,
ложишься вдаль красой своих телес!
Душа звенит в природу заблудиться,
звериной мыслью, шкурой обрасти,
со всякой жизнью — жизнью породниться
и всякой жизни чувства обрести.
Да славна будь ты, жизнь бесчётной твари,
радеющей и радоваться и ждать,
и в срок, когда придёт, совсем не ради
печатной истины детей на свет рожать!

© Я.А.Кивалин, 2004

Я.А.Кивалин

Свет

* * *

Распростился снег с вьюгами, стужею,
оплывает снег неудобной лужею.
Застывает к вечеру леденцово-льдиисто,
отекает заново капелью лучистой
завтра, послезавтра — в ручьи потаённые,
тихие, робкие...

Бурные, тёмные!

Весна пойдёт, тревожа, мимо окон.

Пригладит парень чуб.

И девушка рассыпавшийся локон
откинёт ласково от глаз и чутких губ.

Весна откинется от вьюг,

от тьмы,
от стылой

зимы —

смешеньем солнца, снега и дождей,

и взявшись

зеленью, теплом и водной силой,

птиц пением и играми зверей,

врастёт в цветущее

пространство

летних

дней!

* * *

Я шёл к тебе.

Звёзды падали с неба,
вихрем осенних листьев
кружились вокруг меня.

Воды поднял океан;

Мадагаскар проплыл совсем близко.

Твой след уходит на север.

Там ночь

разрывается блеском полярных сияний.

Я крикнул. Мой голос

откликнулся возгласом галочьих стай.

Ступня провалилась

сквозь твердь в горячие недра.

Земля отодвинулась,

сдвинулся призрак-туман первичного тела,

как груди тоскующей женщины...

Шёл я к тебе.

* * *

То выгнется горушкою,
то юзнет логовушкою,
то вытянется стрункою-стрелой,
среди лесов изреженных,
среди полей заснеженных
дорога, что несёт меня домой.
Смотрю в окно — и нравится:
нахмурилось и старится
небесное раздолье надо мной.
И ширью — радость ширится,
и мне смешно, что силится,
зима тягаться с юною весной!
Округа притуманилась,
притускла, ошаманилась,
и вот — уже снежинки на ветру.
Летят как хитры: белые,
косматые, несмелые,
затейливую пробуя игру.
В тисках зимы побилася
и снова прояснилася
улыбкою — отринутая даль.
И снова солнце ясное,
смеющееся, рясное,
раздаривает радость и печаль.

* * *

Небо меркнет... не снегом,
а первым
весенним
дождём.
Воздух
пахнет,
как осенью — хлебом,
или...
дымом сентябрьским,
которым
мы прошлое жгём,
или...
первым дождём!
над потерявшимся,
смеркшимся снегом...
...Дождь
не начался.
Да он
...и не будет?!
Но пятнится в подсохлых местах
первый дождь!
непонятный
и трудный,
на случайных
рождённый
ветрах.

* * *

Я весною как пыткой — до нежности накалён.
Мозг пылает, обрабатывая информацию
двух вселенных: мира, в котором рождён,
и тела, которым здравствую.
За окном непогода: дождь, грязь и снег.
Ветер мечется мокрою улицей.
Но на душе
 нарождается смех —
что не сбылось ещё, всё-таки сбудется!

* * *

Ты «пронзила моё сердце»
чёрной вспышкой очей,
быстрым, мимолётным взглядом,
резким почерком бровей!
А смешно сказать «пронзила»:
я не рухнул, не упал,
просто — сердце взвеселилось,
осветился, засиял;
просто — глупость обуяла,
радость, смелость, дерзость, смех:
во девчонка так девчонка,
не мякина, а — орех!

* * *

Не в феврале,
 не в марте,
 а в начале мая
завьюжило снегом,
 поля заметая.
Весна расцветала,
 ширилась,
 звенела —
— и всё запахло
 метелью белой.
Сумрачно...
 Радостно!
Жестоко...
 Свѣтло!
Метель несѣтся,
 но будет
 Лето!

* * *

Л.С.

Ты мне снишься тревожно-счастливой.
Золотом солнца сыплется смех твоих глаз.
Уезжала на время.
Но видно — надолго простилась.
Счастлива ль жизнь твоя?
Где ты и как ты сейчас?

* * *

Оступаю в древнейшую яму:
в медицину, в необходимость и волю.
Этика меркнет, теряется, уходит в сторону.
Природа — главенствует зримо и прямо.
Оступаю как в мясо,
духовное мясо Вселенной,
в борьбу организма,
в борьбу организмов,
в несовместимости протоплазм...
Земля, породившая нас,
дышит не порознь
каждым своим мизмом,
а сгустками
прожитых ею
времен и пространств.

«КАЮЩАЯСЯ МАГДАЛИНА»

Неровно пляшущий, тревожный зырк свечи
выхватывает череп и девицу,
забывшуюся думою в ночи.
Ей мыслится, ей чувствуется, снится
течение времени... и судеб миллион...
и среди них судьба единственная... Лица
живут, сменяются, уходят вон,
и током времени и судеб поглощён
тот,
череп чей,
обестелесенный,
обездуховленный,
почти что... вечный,
лежит на бёдрах девушки
и осенён
теплом её,
её
тоскою-песней.

* * *

Весна. Мне нежит душу
освободившийся от снега сухостой.
Ещё бестравный, бестелесный...
Солнце сушит
любой приподнятый комочек земляной.
И вот над водами, над снегом поседевшим,
вслед за игривою неровностью земли
взбегает радостно, призывно и потешно
пожухлый лес расснеженной травы!

* * *

Я вышел в предбанник одеться,
а ты вошла в баню купаться.
Я вышел на улицу после
и вдруг увидал оконце.
Я увидал в оконце:
нагнувшись над чашей с водою,
ты, распустивши косы,
медленно волосы моешь.
Ты слушала музыку песни:
она в твоём теле звучала,
а руки по вдохновенью
ту музыку источали.
И стало мне тихо-тихо:
развернулись степные просторы,
на закате жаркое солнце...
вспомнил вдруг ни к чему перепёлок...
Глазу бедно смотреть:
ни особенной радости красок,
ни богатства дерев,
ни гармонии перспектив...
после жаркого дня
опалённая жаждою влаги
степь и степь,
степь и камень,
да ровная дали черта.

* * *

Всем глазом,
 всем зрением
 припадаю
к деревьям,
 к пахоте,
 к молодо-зелёной траве...
Всем телом,
 плотью всей,
 клеток своих бесчисленностью осязаю
навстречу пришедшей
 в сегодня
 из будущего
 весне!
О этот срок!
 Кругом
 летят к болотам,
 к знакомым перелескам
 журавли!
И лес
 звенит
 с восходом
 бога-Солнца!
И ночь
 волшебствуют любовью
 соловьи!

Вся осыпь
 прошлых лет,
вся земля
 порушенной
 полуживой природы,
приноровившись
 к Космосу,
 к Звезде,
себя вторгает
 в страждущие
 воды
и вновь живёт —
 в родящемся
 Листе.

* * *

Расти, растение! Ты наша радость — Жизни.
Повеет холодом на повороте зимнем,
ты пресечёшься и угаснешь впредь,
и мнится смерть...
Но струнам воскрешающего мая
всей полножизненной тайной урожая
откликнешься — и, вновь смела,
волшебствует духовная Земля!
Расти, растение! Ты наша радость — Миру,
в котором черпаем и смысл мы, и силу.

* * *

Дождём ручьёв истаяли снега.
Земля подсохла, посветлела, запылилась,
и в первой зелени листочков и травы
её свободное дыхание забилося.
Проснулось лето! После долгих дней
морозов, шуб, снегов, тепла печей
земля, вобравшая прохладу талых вод,
зазеленела травами. С утра поёт
на тополе, окутанном зелёной дымкой,
ликующий скворец. В нарядные косынки
оделись девушки. Как в новоселье
сплетаются заботы и веселье,
так дышит дельною и праздной суетой
сам воздух каждую весной!
Земля поспела. Поле рядом с нами
и вширь, и вдаль смеётся как цветами
рубахами, летящими вдоль спин,
работой дружною парней, старух, мужчин,
и девушек, и женщин, и подростков...
Несут мешки, текут-скрипят повозки:
со всех дворов повысыпал народ
САЖАТЬ КАРТОШКУ.

* * *

Падаю с ног...

Лицо —

как ягодка:

пышет,

лучистое,

кровью румяною!

Тело

блѣкнет усталостью...

Мышцы кричат:

Как это сладко!

быть очень,

очень упрямыми!

Стелется ночь.

Размечталась,

красавица;

дивным свечением

небо

опыхало!

...К жизни,

не мерянная,

просто

любовь

не угасала...

но вспыхнула!

вспыхнула!

* * *

Белыми цветами вылеплена яблоня:
как мгновенье счастья, как из хрусталя.
Окунулась в небо ломкими ветвями,
окунулась в молодость и в мой сад сошла.
Аромат нездешний, не земной, не терпкий;
сладостно-медовый, кровь мою щемит:
о весеннем юге, о далёком детстве,
об огромном мире память ворошит.

* * *

Твоё тело
 влажным ручьём,
 вбирающим реки,
жизнью струится
 и смехом.
Отрок-заря,
 зашептавшись с листвою,
в твоём изголовье
 забылась
 и тихо заснула.
Мыслями дышат таинственно мышцы
и молодью рыбок
 сбиваются в чувства
 и в дали мечтаний сокрытых...
Такой!
 ты мне зришься,
 когда я глаза закрываю;
такой!
 ты мне снишься,
 когда я тебя обнимаю;
словно нисходит мне
 смысл
 и таинство
 природы,
словно меня обнимают
 большие
 и чистые
 воды.

* * *

Я встал за-ранее, когда ещё нет солнца
и рань предельна. Но вокруг заря,
как всполох прозревающей природы,
как весть плывущего за горизонтом Ра,
меняясь красочно, всё прирастая светом,
из тленья малого уже горит приветом!
Смяк сумрак. Воздух безмятежен.
А в теле бодрость. И просторно-нежен
ток разгорающихся мощью перемен!
И вот — над зеленью, собою даль заставшей,
внезапным приступом снопом лучей восставши,
всю власть над присным, радуясь, беря,
сверкнуло, огненной гранью показавшись,
сияющее, пышащее Ра!
ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ.

* * *

Спать некогда. Такая тишина,
такая музыка, такое звёзд свечение,
что кажется: не сон, а это всё сполна
сегодня лучшее и отдых, и лечение.
И бой часов. В часах кукушка,
от дрёмы вострепнувшаяся на момент,
«ку-ку» — и снова тишина.
И под ладонями упрямится подушка,
и на ладонях мыслит голова.
Не спится. Мыслится. И радуется тело
бессоннице и этой тишине,
пронизанной звенением-напевом
живых существ в ночной роскошной тьме.

ЗВЕНЯЩИЙ КЕДР

Я древо дрёмое.
Я земно
это знаю.
Ты далека.
И мне к тебе придти:
так это —
шелестом,
так это —
облаками,
так это —
ветром
цвёты
донести.
Во мне светло.
Во мне
живые соки,
рождённые
из небыли и мглы,
вбирая свет,
летающий издалёка,
питают жизнь осмысленной Земли.
Я полон тайн. Хотя мне быть — на месте,
я весь — движение, сослышивание голосов,
и я — одно летящее с Землёю вместе
среди окрестных
Жизней
и Миров.

ГРОЗА

Когда неравновесье
сдвигает атомы, мнёт влагу в облака,
и надвигается иссиня-белой тучей,
и тучи этой громоздящаяся гора,
сдавлив окрестности, дремотою могучей
ползёт на солнце, стынет тишиной,
медлительно сжирает под собой
всю солнечность, игру и ласку, свет и тени,
и, хлынув в улицы, тревогою смятенья
щекочет пыль, кусты, траву, деревья,
и сумрачно уже вокруг, и суетой томленья
всё мается, всё нервничает, ждёт...
Вдруг — молния как нож!
И гром! И гром! И гром!
И хлынул — дождь!
.....
Струи брызнули. В ветре как змеи.
Дождь крепчает, вздрагивает, свирепеет.
Стонут, бьются тяжёлой листвою,
ветром скрученные и водой,
тополя, клёны, берёзы, осины,
с мест сорваться неистовствующие и бессильны!
Град, блеснувший в тумане летящей воды,
прыгнул на землю, на травы, на камни, в кусты!

Гром взорвался над ухом! Щемяще и зло
молний вспыхивающее тепло
взвилось в схватываемом отдаленье
и ослепло, вечерней тенью.
Гром отпрянул. Следы мгновения:
белый град, на земле рассеянный,
лужи, вспухшие на дороге,
дождь, размашистый и тугой,
небо, взорванное над головой.

.....
Ещё дождят и движутся по небу
лохмотья отбуянившей грозы,
но после обморочной тишины навстречу ветру
ожившим шёпотом опять листва дрожит.
И радуга... В тумане крупных капель,
в омытом небе тихо расцвела
на семь цветов улыбчивая арка,
как зеркало и младшая сестра
большого СОЛНЦА.

* * *

Звонкоголосые
 девушки-хохотуњи,
весёлое солнце
 в длинные косы вплетая,
на брёвнах расселись цветами смеха,
шутками нежность пересыпая.
А в небе глубоко переливаются трели
бьющегося в ликование жаворонка!
Поле широкое
 дышит жарою
лёгкого,
 летнего,
 терпкого
 солнца!

* * *

Приехал с деревни — и музыка снится.
Где-то, в цветочной пыли
или сквозь листья, где солнце лучится,
духи меня понесли.
Не угадать, где случилось такое:
на крыше ль, где доски тесал,
или когда с ребяtnёю малою
поздний костёр возжигал.
Ветер напел ли, тепло ль наласкало,
небо ль движением звуки нагнало,
или дорога и ритмика странствий
вселило и звуки и радость пространства?..
С деревни приехал — и музыка снится...
Что-то в душе наслажденьем томится.

* * *

Айсбергом с дерева,
яблоком с неба
упало
мне на ладони
моё мироздание.
Дивно смотрю:
где тут концы,
где гармония,
где тут начала?
Вот: нарождается... ген.
Вот: растворяется... слово.
Вот: возвращается... квант
по охвате пространств и миров.
Вот: то, что умерло,
к жизни готовится снова,
вот лагуна для яви,
вот область предчувствий и снов.
И волшебный огонь —
священное пламя химизма.
Здесь над радугой тьмы
осязанием мыслит любовь —
и рождается смысл
и сознание явленной жизни,
воля духа
и прелесть телесных оков.

* * *

Трепет древесный,
шелест колышимых трав...
я отражаюсь, как ночь,
в твоих золотистых глазах.

Радуга сети сплела,
день, не расцветши, потух,
в небе шумят облака,
моря шевелится дух.

Трепет древесный,
шелест колышимых трав...
я утопаю, как ночь,
в твоих золотистых глазах.

Содержание

«Вокруг весна. В душе — тоска и жажда...»	2
<i>Н. Шевяков</i> : «Где шалашиком стоит лесное солнце...»	3
Новое солнце	3
«Крылья бровей распластав...»	4
«Весна дохнула. И благоуханно...»	5
Встреча	6
«Как в меня входят: дымки и воздуха струи...»	7
«Я затрудняюсь сравнить...»	8
«Слышишь? — Первые капли звенят...»	9
«Темно в душе. И хочется любви...»	10
«Весна осторожною аристократкой...»	11
«Распростился снег с вьюгами, стужею...»	12
«Я шёл к тебе. Звёзды падали с неба...»	13
«То выгнется горushкою...»	14
«Небо меркнет... не снегом»	15
«Я весною как пыткой — до нежности накалён...»	16
«Ты пронзила моё сердце...»	17
«Не в феврале, не в мае, а в начале марта...»	18
«Ты мне снишься тревожно-счастливой...»	19
«Оступаюсь в древнейшую яму...»	20
«Неровно пляшущий тревожный зырк свечи...»	21
«Весна. Мне нежит душу...»	22
«Я вышел в предбанник одеться...»	23
«Всем глазом, всем зрением припадаю...»	24
«Расти, растение! Ты наша радость жизни...»	26
«Дождём ручьёв истаяли снега...»	27
«Падаю с ног. Лицо — как ягодка...»	28
«Белыми цветами вылеплена яблоня...»	29
«Твоё тело влажным ручьём, вбирающим реки...»	30
«Я встал за-ранее, когда ещё нет солнца...»	31
«Спать некогда. Такая тишина...»	32
Звнящий кедр. <i>Посвящено «Анастасии»</i>	33
Гроза	34
«Звонкоголосые девушки-хохотуны...»	36
«Приехал с деревни — и музыка снится...»	37
«Айсбергом с дерева, яблоком с неба упало...»	38
«Трепет древесный, шелест колышимых трав...»	39

АЛТАЙ — УТРО

Заветным светом

рассияло солнце
облаков высокие туманы —
и тихо-тихо утро зашептало,
и тихо-тихо ночь уносит тайны.
От сна ещё не отошла,
но дышит,
дышит вся природа,
и сил неясных полон я,
и рвётся в голос крик восторга:
Как жизнь прекрасна!

Новый день
разбудит горы, нивы, травы!
Играя в утренних лучах,
с полей поднимутся туманы!
И всё живое встрепенётся,
глаза откроет, улыбнётся,
и громким хором голосов
грядёт
пора
дневных трудов!

Подписано в печать 01.03.2004. Сдано в печать 03.03.2003. Бумага
офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Школьная». Заказ № 245.

Издательский Центр «СВЕТ»

630501, Новосибирская обл. п. Краснообск, а/я 435,
т./факс (383-2) 48-46-91, 48-62-15, E-mail: svet@nsk.ru

ISBN 5-8124-0031-8

Почти одновременно с данной книжкой стихов издательство «СВЕТ» выпускает другую книгу Ярослава Кивалина:

«ПРОЛОГ и НАЧАЛО Слова о полку Игореве»

Это **книга-открытие**. На основе тщательного рассмотрения древнерусского текста автор выясняет смысл всех без исключения многочисленных «тёмных мест» ПРОЛОГА и НАЧАЛА в знаменитом произведении XII века. Автор обнаруживает, что многие исправления, внесённые в древнерусский текст за 200 лет его толкования, чужды произведению. Итогом рассмотрения является воскрешение истинной поэтической интонации древнего автора и точное её воспроизведение современным языком.

Такая книга ценна особенно потому, что «Слово о полку Игореве» является неотъемлемой частью школьной и вузовской программ по литературе, а педагоги не могут преодолеть неинтерес учеников к *поддельным красотам* «научных» и «поэтических» переводов великого произведения.